

К счастью, Чжун Цинжань ел в одиночестве, иначе, если бы другие дети увидели, то, даже под давлением авторитета дедушки и бабушки, они бы не осмелились отобрать еду, но, уставившись на него множеством глаз, он бы точно потерял аппетит.

Внутри дома было тихо, но в главном зале царил совершенно иная картина.

В семье Чжун было много детей. С основным блюдом все было проще — каждому выделялось определенное количество, и каждый ел свое. Но с овощами приходилось бороться, иначе останешься голодным. Особенно сегодня, когда на столе был суп из редьки с ребрышками, а на мужском столе даже появилась небольшая тарелка с пареными ребрышками. Все уже несколько дней не видели мясного, и во рту не было никакого вкуса. Неважно, старик это или ребенок, мужчина или женщина, все жаждали мяса. Каждый двигал палочками точно и быстро, и в мгновение ока ребрышки исчезли.

Некоторые мальчики, не успевшие схватить мясо, чуть не расплакались, но, получив строгий взгляд от взрослых, сдержали слезы. Подумав, что если не поест сейчас, то даже супа не останется, они перестали плакать. Аромат костного бульона был слишком соблазнительным, и лучше было потратить время на то, чтобы выпить побольше.

Мальчикам еще повезло, у них хотя бы было право дотянуться до мяса, а девочкам оставалось только смотреть. Им доставался только суп, да и то только после того, как каждый мальчик в семье накладывал себе по миске.

Обед прошел в атмосфере, где дети ели, как на войне. Чжун Цинжань слушал шум из главного зала и с трудом представлял себе, что там происходит. В этой семье было действительно слишком много детей. Только тех, кого он мог вспомнить, было больше десятка. Такой огромной семьи он еще никогда не встречал. Под одной крышей мелкие ссоры и разногласия, должно быть, происходили постоянно, и одна мысль об этом вызывала головную боль.

После обеда Чжун Цинжань рассказал о своих сомнениях дедушке и бабушке. Это было нешуточное дело. Госпожа Тун вышла вперед, с суровым выражением лица, и дети, выстроившиеся в ряд, были напуганы до полусмерти. Каждый из них честно рассказал о том, что произошло.

Результат был предсказуем — все были заняты, но единственное, что они могли сказать, это то, что находились далеко от места, где играл Чжун Цинжань, за целой горой. Дальше расспрашивать было бесполезно. Даже такая строгая, как Госпожа Тун, не могла просто так обвинить своих внучек, и дело в итоге сошло на нет, ограничившись лишь наказанием в виде пропуска одного приема пищи.

Чжун Цинжань тоже не стал заикливаться на этом инциденте. Дни текли своим чередом, и после нескольких смен лекарств шину наконец сняли.

Это был первый раз, когда Чжун Цинжань вышел за пределы своей комнаты. Он жил в восточном флигеле, рядом с главным домом, где жили дедушка и бабушка. Главный зал находился в центре, а вокруг него располагались четыре комнаты — две с восточной стороны и две с западной. Одна из западных комнат использовалась как кухня, а другая — для хранения дров и прочих вещей. Второй двор был устроен так же, а за ним находился огород, где содержались домашние животные.

В семье Чжун было много людей. У дедушки Чжун было пять сыновей и две дочери, семь внуков и восемь внучек. Сыновья уже были женаты, дочери вышли замуж, и шесть пар занимали шесть комнат. Чжун Цинжань занимал одну комнату, еще одна использовалась как

кабинет, и оставалось шесть комнат, в которых должны были разместиться более десятка детей. В среднем на каждую комнату приходилось по два человека. Хорошо, что дедушка Чжун унаследовал родовой дом, иначе такая большая семья просто не смогла бы уместиться.

Дому было уже много лет, говорят, что ему больше ста лет, но он хорошо сохранился. Родовой дом был основой, и его регулярно ремонтировали каждые несколько лет. Сейчас он выглядел крепким, и не было опасений, что он может однажды обрушиться.

Двор был выложен каменными плитами, а внутри дома плитка была еще лучше. Наследие предков было действительно неплохим, и неудивительно, что в памяти остался тот случай с разделом имущества, который вызвал столько шума. Если бы не вмешательство главы клана и других уважаемых людей, их семья, возможно, не получила бы родовой дом.

В доме он был единственным бездельником, кроме детей младше пяти лет, которых сейчас не было. Во дворе было тихо. Тетушки сидели в своих комнатах, занимаясь шитьем, выполняя задания, данные Госпожой Тун. Остальное время принадлежало им самим — они могли выйти поболтать или заняться какими-то личными делами, чтобы заработать немного денег. Хотя Госпожа Тун была строга с невестками, среди множества свекровей в деревне Хэвань она даже не считалась самой суровой, что показывает, насколько сложно быть невесткой.

Впервые выйдя из комнаты, Чжун Цинжань не решился ходить с костылями по всему двору. Он немного прогулялся, а затем сел, чтобы погреться на солнце. Теплые лучи солнца вызывали сонливость, и вскоре он склонился на спинку стула.

В полудреме он почувствовал, как кто-то накрыл его тонким одеялом. Когда же он, раздраженный, проснулся от шума детей, то, как и ожидалось, на его ногах лежало одеяло.

Если говорить о тех, с кем Чжун Цинжань больше всего сблизился за эти дни, то это была его четвертая сестра Чжун Цин, затем пятый брат Чжун Цинхань и двое детей четвертого дяди — шестая сестра Чжун Сяо и шестой брат Чжун Цинчэн. С остальными он не был близок, а некоторые даже испытывали к нему скрытую враждебность. Даже его родные брат и сестра, близнецы, относились к нему прохладно, словно из вежливости, лишь изредка навещая, а в остальное время их не было видно. Забота о нем была поручена восьмилетней четвертой сестре.

Видимо, из-за предвзятого отношения дедушки и бабушки Чжун Цинжань был непопулярен среди детей. Взрослые еще могли скрывать свои чувства, но дети легко выдавали свои истинные эмоции.

То, что прежний Чжун Цинжань пользовался любовью дедушки и бабушки, было не без причины. Когда он был еще маленьким, четвертый дядя только что женился, и вся семья отправилась на юбилей прабабушки. По пути они проходили через мост Цюйбу, и Чжун Цинжань наотрез отказался идти дальше. В то время дедушка и бабушка очень любили своего третьего внука, и, увидев, как он плачет, остановили всю процессию у моста, достали сладости и печенье, которые предназначались в подарок, и пытались успокоить его, но ничего не помогало. Когда племянник чуть не задохнулся от плача, другие дяди и тети, которые сначала были недовольны, перестали возражать.

Когда он закричал до хрипоты, мост Цюйбу внезапно обрушился, и семья Чжун побледнела от ужаса. Река Шоцзян была не маленькой, ее ширина была огромной, и участок у моста Цюйбу был самым узким в округе. В радиусе десяти ли от реки были только два способа перебраться на другой берег: либо сделать большой крюк через мост Цюйбу, либо переправиться на лодке.

Мост Цюйбу был важным транспортным узлом, соединяющим берега реки Шоцзян, и по нему проходило много приезжих. Когда мост рухнул, на нем было много людей, и менее половины выжили.

Семья Чжун была в шоке, а Госпожа Тун, держа на руках своего третьего внука, который заснул от усталости, не хотела его отпускать. Шестидесятилетний юбилей прабабушки нельзя было пропустить, и семья, дрожа от страха, переправилась на лодке. На празднике они лишь изображали улыбки, чтобы не испортить настроение.

С тех пор дедушка Чжун и Госпожа Тун стали еще больше любить Чжун Цинжана, а родители, дяди и тети также проявляли к нему больше заботы. В то время Чжун Цинжань жил в комфорте, но с течением времени, кроме дедушки, бабушки и отца, а также нескольких других людей, которые продолжали относиться к нему по-прежнему, даже мать иногда проявляла недовольство, не говоря уже о других.

Чжун Цинжань мог это понять. Сколько бы благодарности ни было, она не могла компенсировать годы несправедливого отношения. Видя, как его братья и сестры пьют только суп, а он ест мясо, кто бы не почувствовал зависть?

Мысли матери были довольно практичными, и она проявляла больше любви к старшему брату. Идея о том, что сын должен заботиться о родителях в старости, была очень сильна в эпоху Великой Чжоу. Ему было уже двенадцать лет, а он целыми днями только играл, не умея работать в поле. Надеяться на него было бесполезно, лучше уж на замужнюю дочь.

Прежний Чжун Цинжань этого не замечал. Он жил беззаботно и до конца оставался счастливым, что, в общем-то, было его удачей.

— Третий брат, это одеяло я и четвертая сестра принесли.

Чжун Сяо в этом году исполнилось пять лет. Ее волосы были сухими и желтыми, а глаза широко раскрыты, полные ожиданий похвалы. Рядом стояли Чжун Цинхань и Чжун Цинчэн, глядя на него с таким же выражением.

Чжун Цинжань, которому было скучно, решил подразнить детей. Он похлопал по голове девочку с редкими волосами, не забыв и о двух братьях:

— А где Чжун Цин?

— Четвертая сестра у реки. Сегодня дедушка повел людей ловить рыбу, и все старшие братья и сестры пошли помогать. Я обязательно присмотрю за третьим братом.

Чжун Сяо похлопала себя по груди, обещая.

Младший брат Чжун Цинхань тоже не отставал, громко заявляя, а трехлетний Чжун Цинчэн невнятно поддакивал.

— А рыбу поймают?

Все трое детей задумались, но первым ответил Чжун Цинхань:

— Третий брат, поймают, поймают. Если дедушка поймает много рыбы, было бы здорово. С тех пор, как мы в последний раз ели мясо, я больше не видел ничего вкусного.

— Да, рыба, хочу рыбу.

Чжун Цинчэн говорил, и слюна уже капала изо рта.

Чжун Сяо тоже выглядела полной желанием.

Услышав это, Чжун Цинжань почувствовал себя не очень хорошо. В последние дни он каждый день ел что-то мясное — рыбу, мясо или яйца. Он даже не подозревал, что в семье дела обстоят настолько плохо. По обстановке в его комнате и его одежде этого было не заметно, а у братьев и сестер, с которыми он чаще всего общался, лица были немного бледными, но не слишком, поэтому он не задумывался об этом.

<http://bllate.org/book/16837/1548037>